Марк Аврутин

Ион Деген – человек-легенда

Сейчас говорят и пишут, что настоящий ветеран всегда был скуп на слова. Старался не вспоминать то, что въелось в память, и не рассказывать о том, что пережил. Ненавидел правду той войны. Сталина ненавидели и боялись. В окопах не молились. Не до молитв, когда вокруг кровь, грязь, разрывающиеся снаряды, оторванные конечности. Настоящий ветеран был с подорванным здоровьем. Редко доживал до старости. С

разрушенной психикой. С глубокой травмой до могилы, которая становилась ему облегчением.

На самом деле, всё это не так. В атаку гнали 18-20-летних. Что они знали и понимали о Сталине? И перед началом атаки молились, хотя большинство из них не знало ни одной молитвы. «Господи, спаси и пронеси» — всё, на что хватало их фантазии. И уж во всяком случае, это не про нашего героя, который и не думал сдаваться под тяжестью невзгод и обстоятельств, и не дожил всего месяц до 92 лет. Более того, о нём с полным основанием можно сказать, что умер он преждевременно. А разум его вместил и правильные сделал выводы не только о том, что было на той войне, но и не менее страшное – после войны. И не в могиле он искал облегчения, а в жизни, до краёв наполненной увлекательной работой, в окружении любимых им людей.

Двадцатилетний Ион вернулся с войны практически полным инвалидом. По статистике, таких, как Деген, не погибших, но едва живых, вернулось 46 миллионов 250 тысяч. С разбитыми черепами, одноглазых, слепых, с изуродованными лицами, с поврежденными позвоночниками, однорукими, безрукими, одноногими и безногими.

Во время войны Иона Дегена дважды представляли к званию ГСС. А за прошедший после войны год он совершил ещё один подвиг — сдал экстерном за 10-й класс и стал студентом мединститута, о котором мечтал. Но таких из огромного числа инвалидов, которые нашли в себе силы стать достойными людьми, оказалось совсем немного.

Люди спивались и гибли. Гибли даже вернувшиеся без тяжелых увечий, но с моральными травмами. Вот, например, ровесник Иона, Григорий Булатов, который лично установил первый флаг над рейхстагом. Его не признали героем. Эта несправедливость разрушила жизнь Булатова, он спился, а потом повесился в возрасте 47 лет.

Но не таков был наш герой. Его пытались уничтожить на войне, дважды хоронили. В 1944 году на памятнике, установленном на могиле, в которой захоронили останки членов его экипажа, выгравировали и его фамилию. В 1945 году под заключением о несовместимости полученных им травм с жизнью поставил свою подпись главный хирург Красной армии академик Бурденко. И можно сказать, без последствий пережил нанесенную ему обиду – дважды представление о присвоении ему звания ГСС отклоняли по причине его национального происхождения.

А после войны в течение 32 лет его пытались морально раздавить в самой антисемитской республике бывшего СССР – Украине. Но он не спился и не разрушился, продолжал воевать за право стать врачом, ученым, исследователем. Преодолевая не отпускавшую его ни на день физическую боль, он не позволял себе отступить в борьбе с антисемитами, пытавшимися ему ставить «палки в колеса». Всё

это лишь распаляло его фронду. Конечно, во многом спасал его талант врача, хирурга-виртуоза, которым пользовались все, включая и, даже в первую очередь, власть предержащих.

Да, нашему герою везло, и он вернулся домой, хотя и официально признанным инвалидом на 84%, с осколком в мозгу, и разбитым лицом, перебитыми руками и ногами. Из всего взвода добровольцев, в котором было 28 евреев и трое украинцев, его друзей и одноклассников, он один (так он думал тогда) остался живым. Потом пятеро

украинцев, перекладывая его раненого с подводы на подводу, как по эстафете, рискуя собственной жизнью и жизнями членов своих семей, провезли его от Днепра почти до Полтавы и переправили через линию фронта.

Не хотел он забывать разведчиков, с которыми воевал на Кавказе в 1942 году. Эти мужики, в прошлом сибирские охотники, умельцы на все руки, будучи вдвое-втрое старше, приняли его, семнадцатилетнего, своим командиром. Помнил он и всех погибших членов экипажа своего танка, на памятнике которым была выгравирована и его фамилия. А он остался жив и весь израненный вернулся с победой домой.

Познал Деген и любовь, изведал и счастье ремесел, и написал такое, что гордится отцом его сын. Но среди книг о войне, признанных культовыми, нет ни одной из 20 книг, написанных Ионом Дегеном. Впрочем, ничего удивительного. Нет в том списке и книг Виктора Некрасова, Николая Никулина и других настоящих фронтовиков. Николай Никулин почти ровесник Иона Дегена. В 1941 году Николай окончил десятилетку и в ноябре того же года добровольцем ушел на фронт. В его книге «Воспоминания о войне» использованы послевоенные документы и книги других авторов. Ион ничего не писал «по слухам», с чужих слов — только то, что сам видел и только о тех людях, с которыми сам сталкивался.

Дегена невозможно понять без войны. Он сам написал об этом: «Я весь набальзамирован войною.//Насквозь пропитан. //Прочно. //Навсегда…». Он много писал и рассказывал о своей фронтовой жизни. Во время войны родилась, так называемая, «окопная поэзия». Дегена с полным правом можно считать одним из её лучших представителей. Его стихотворение «Мой товарищ, в смертельной агонии// Не зови понапрасну друзей.// Дай-ка лучше согрею ладони я// Над дымящейся кровью твоей.// Ты не плачь, не стони, ты не маленький,// Ты не ранен, ты просто убит.// Дай на память сниму с тебя валенки.// Нам ещё наступать предстоит» признано лучшим стихотворением ВОВ.

Евтушенко назвал это стихотворение самым гениальным, из написанных о войне. Автор «Разрезал острее автогена,//Всё то, что называется войной//Треклятой, грязной, кровной и родной». Михаил Веллер сказал: Ион Лазаревич, Вы написали одно из лучших стихотворений о войне. В этих замечательных, трагических и страшных восьми строчках, по мнению многих настоящих фронтовиков-окопников, и заключена вся жестокая правда о войне.

Были на фронте состоявшиеся поэты года рождения начала прошлого века, были начинающие, — ровесники советской власти, но уже известные, имевшие свои публикации, а были и такие, как Ион Деген, стихи которых распространялись «из уст в уста». И вот он, в ту пору «железобетонный» коммунист, был обвинен летом 1945 года в Доме литераторов в Москве в сочинительстве антисоветских стихов. После этого Ион дал зарок никогда не иметь дела с литературным генералитетом.

В его стихах, действительно, не проглядывались ни пафос, ни ура-патриотизм. Словно писал их не Деген, а другой человек. Ему хотелось, чтобы стихи его были такими, как у настоящих советских поэтов — героическими, призывающими, гневными. А у него получались грустные стихи о войне, в которых было то, что он пытался скрыть от всех: кровь, грязь, и страх. В стихах он обнажался, как ребенок. В бывшем Советском Союзе его не издавали, а в Израиле поколению его внуков, не владеющему русским языком,

доступна лишь одна его книга, переведенная на иврит, — «Набальзамированный войной».

Всё поколение Иона с детского садика было воспитано в духе милитаризма. Военные игры, военные песни, военные кинофильмы. Героизм и победы завораживали мальчишек, подобных Иону. Над ними довлел культ самопожертвования во имя Родины. Им хотелось, чтобы война началась именно тогда, когда и они смогли бы принять в ней участие. Поэтому, когда началась война, Ион был убежден, что его место на фронте, и в 16 лет он стал командиром взвода добровольцев в истребительном батальоне.

В предвоенные годы Ион свято верил во всё, что делалось советской властью якобы от имени народа. Верил и в оправдание голодомора на Украине, и в обвинение трех маршалов из пяти, Блюхера, Егорова, Тухачевского врагами народа, и в то, что Гамарник, и Якир, которых он сам видел незадолго до этого, стали тоже врагами народа. Хотя он и не понимал, но старался найти объяснение беспринципности и попустительству Советского Союза по отношению к Германии.

Спустя много лет, уже в Израиле Ион вспоминал разговор накануне войны со своим другом Шулимом Даином, и теперь он удивлялся, откуда у 18-летнего друга было такое пророческое ясновидение? Шулим говорил, что в смертельной схватке сцепились два фашистских чудовища, что это ужасная война, не наша война, но, возможно, именно она принесет прозрение евреям, даже таким глупым, как Ион, и поможет восстановить Исраэль, что в какой-то мере делает ее нашей. Поэтому, когда его призовут, он пойдет на войну, но не добровольно. Иона возмутили эти антисоветские речи в устах своего друга, и разговор их тогда закончился ссорой.

Сам Деген медленно расставался с коммунистическими иллюзиями. Окончательное пробуждение наступило к началу 1960-х годов. «Слепая вера неразумной вере//И вера в то, что лишь она одна.// Зачем бессмысленная верность вере?». «Зачем с пелёнок верность лживой вере?// Зачем на смерть ушёл его отец?» (1961 г). «А я? Смогу ли я писать,//Затёртый льдами соц. литературы?» (1962 г). «Но если повезёт мне разыскать//Десяток слов до скорого рассвета,//Их не редактор будет опекать,//А офицер другого комитета» (1965 г).

Он почувствовал себя связанным узами с пока ещё незнакомым ему государством Израиля. Ион перестал верить в газетную ложь про Израиль. А наступившую после XX съезда партии «оттепель» он воспринимал, как потепление — подъем температуры от абсолютного нуля до температуры замерзания азота, при которой по-прежнему нельзя жить. К стране, за которую он воевал, щедро проливал свою кровь, постепенно пропадал интерес.

Сказалась накопившаяся горечь от антисемитского выталкивания его из окружающей среды. Уже во время войны ему приходилось слышать, что он хороший парень, хоть и еврей. И ратные подвиги его постоянно стремились преуменьшить, а воинскими наградами его удостаивали лишь потому, что подвиги его были настолько дерзкими, что о них говорили в бригаде, и совсем замолчать их было невозможно. Однако достоинство этих наград всегда занижали.

А в 1947 году ему впервые напомнили, что он вовсе не гражданин великого и могучего Советского Союза, а безродный космополит. Но Ион упорно заставлял себя не думать о

том, что все происходящее можно было объяснить только антисемитизмом, причем, не частного лица, а официальным, ставшим основой политической системы.

К XIX съезду партии (октябрь 1952 г) антисемитизм уже приобрел разнузданные формы. После правительственного сообщения о врачах-убийцах врачи и сестры — евреи – боялись зайти в палаты. Ион понял, что это сообщение — грубо сработанная фальшивка. Нет средства против инфаркта, которым можно было убить страдавшего гипертонией Жданова А по городу уже поползли слухи о депортации евреев, и что на станции Киев-товарная уже стоят приготовленные эшелоны.

С необыкновенной подлостью Ион столкнулся при работе над кандидатской диссертацией, тему которой ему не утвердили, но и не запретили оперировать собак. При этом стали умерщвлять при гистологических исследованиях его образцы, применяя при декальцинации кости вместо семи-процентной азотной кислоты десяти процентную. Но Ион всё-таки защитил и кандидатскую и докторскую диссертации, несмотря на все козни Киевского Ортопедического общества, при этом продолжая работать рядовым поликлиническим врачом, — случай, наверное, единичный в мировой практике. Последним проявлением юдофобства стали издевательства сотрудников ОВИР'а и телефонные звонки с угрозами после получения разрешения на выезд в Израиль.

И хотя Ион всегда выходил победителем в стычках с антисемитами, но это не доставляло ему радости. Ему хотелось быть равным среди равных, быть в своей среде, ни в ком не подозревая скрытого антисемита. Из него постепенно стал выветриваться пролетарский интернационализм. Теперь он с подозрением относился к неевреям, на каждом шагу ожидая от них неприязни.

Многое из того, что происходило с Дегеном и на войне, и после неё, не поддаётся объяснению обычными земными категориями. И стихи ему часто будто бы кто-то диктовал, он же только записывал готовые фразы, а не сочинял их. И действиями его, бывало, кто-то руководил. На фронте эти действия оказывались спасительными, а после войны – подсказывали путь к открытиям. Что это? Часто называют это состояние озарением. Внезапное видение того, что становится объектом открытия. Ион рассказывал, когда он слушал концерт уже абсолютно глухого Бетховена, то слышал и послание Всевышнего. Кого-то это состояние посещает чаще, кого-то реже, большинству людей оно не ведомо вообще. А кто-то способен сознательно вводить себя в такое состояние.

Не каждому дано испытать подобное тому, что испытал Ион в первую ночь в Израиле. Он проснулся на рассвете и подошёл к окну. И тут же выскочил на балкон. Там, вдали на юго-востоке, на скопление домов, в отдельности не различимых на таком расстоянии, пролился неописуемый свет. Нет, не свет и не свечение — сияние! У Иона перехватило дыхание от этого зрелища. Он стоял околдованный, ощущая, как это сияние, постепенно стекая с холма, окутывает его. Ему стало настолько хорошо, что всё остальное, происходившее с ним впоследствии, воспринималось через призму этого иерусалимского сияния! А вот приехавшей через несколько дней из Лондона большой группе английских художников, евреев и неевреев, не дано было уловить этот необыкновенный свет, без которого их иерусалимские этюды выглядели примитивнее фотографий.

Израиль во многом оказался непохожим на тот идеальный Израиль, о котором мечтал Ион в Киеве. Очень многое раздражало его в Израиле. Раздражала его галутская психология, присущая многим израильтянам, которые с опаской втягивают головы в плечи, ожидая реакции окружающего их враждебного мира на справедливые поступки Израиля. Но самым ужасным было то, что в Израиле среди евреев, а также среди 250 тысяч русских многие оказались антисемитами. Антисемиты в Израиле, куда он удрал от них, и которых он люто ненавидел.

Дегена возмущало, что израильтяне — члены леворадикальных организаций — ведут себя как самоубийцы. Он видел прямую связь между преступлением Шимона Переса с Бейлином, импортировавшими из Туниса околевавшего там Арафата, и тысячами погибших израильтян. Он считал пацифистов проарабского движения «Мир сейчас» скопищем прекраснодушных дураков или подлецов.

Ему трудно было поверить, что левые, предлагая отступить к границам 1967 года, чтобы палестинцы могли создать свое государство, не понимают, почему с 1948 года по июнь 1967 года они его не создали. Он видел, что единственным их требованием было и остаётся, чтобы евреи убрались с их, как они считают, земли. Но, если исходить из этого, говорят левые, тогда Израилю придется постоянно воевать, поэтому люди хотят достичь мира «Сейчас»! И плевать им на то, что арабы отказываются жить в мире с евреями. Мир сейчас – любой ценой! Завтра их не интересовало, завтра хоть потоп!

Деген считал преступным поведение правительства Меир-Даяна, стоившее народу Израиля стольких жертв в первые дни войны Судного дня. Линия Бар-Лева на Синае. Обычный сетчатый забор на сирийской границе. Сколько на этом заработали подрядчики? Сколько денег это стоило налогоплательщикам? И сколько крови — народу Израиля?! Существование левых на земле Израиля Ион считал наказанием за грехи евреев. Деген ставил израильской действительности диагноз шизофрения.

Но воевать со своими ему было противно. Он отгородился от этого, считая Израиль со всеми его недостатками своей единственной страной и был убежден, что рождён для этой страны, и его стремление в Израиль не было случайным. Но порой в нём просыпался израильский агрессор, и ему хотелось, например, услышав молитву муэдзина, тысячекратно усиленную громкоговорителями, взять в руки винтовку и расстрелять все до единого репродукторы.

Многие левые ненавидели всех репатриантов из Советского Союза, видя в них предателей, которые променяли социалистическую страну на Израиль. Их устройство было поручено невежественным чиновникам, усаженным в свои кресла мелкими функционерами-социалистами. Деген возмущался, почему правящая партия даже не пыталась разрушить эту нелепую с логической точки зрения систему.

Среди университетских профессоров, особенно, гуманитариев, было много самых злобных врагов Израиля, так называемых, «правозащитников», которым даже ему, врачу-ортопеду, очень хотелось переломать руки. Нельзя же предположить, что они не знакомы с уставом ХАМАСа, в котором утверждается: «Для палестинской проблемы нет другого решения, кроме джихада. Аллах — наша цель, Пророк — образец, Коран — конституция, джихад есть путь и смерть во имя Аллаха, есть величественнейшее из желаний». Этот Устав не что иное, как исламистская версия «Майн Капмф». Он обвиняет евреев во всех бедах мира и цитирует хадисы, призывающие убивать евреев везде, всегда и любых. ХАМАС показывает детям мультфильмы о том, как резать

евреев, следит, чтобы жители анклава не имели других денег, кроме тех, которые им раздали террористы, и другой возможности карьерного роста, кроме как через ненависть к Израилю.

И вот левые отказ Израиля от согласия с подобной позицией называют его «неготовностью к компромиссу». Но ведь возобновление столь желанного левому лагерю, т.н. «мирного процесса» полностью противоречило здравому смыслу.

Деген пытался понять, что это – элементарная глупость, или диверсия против своей страны? Может быть, даже оплаченная диверсия. Тем более, что некоторые источники оплаты уже назывались. Но ведь в стране, которая находится в состоянии войны, диверсанты подлежат суду военного трибунала со всеми вытекающими последствиями. До него не доходило, почему воюющая страна не предпринимает карательных мер к диверсантам, находящимся на содержании противника?

Деген полагал, что современные левые в Израиле — разжиревшие потомки тех поселенцев в Палестине, которые пóтом и кровью осваивали Богом данную евреям землю. Но со временем они увидели, осознали несбыточность своей прекрасной утопии. Их деды и отцы, поселенцы того времени создали Государство Израиля. А их дети и внуки отказываются от службы в армии. В элитных подразделениях теперь служат нынешние поселенцы, которых они ненавидят.

Когда левые ему говорили, что арабы живут на захваченных у них евреями территориях, и поэтому евреи не имеют права властвовать над ними. Деген возражал, утверждая, что эти территории являются не захваченными, а освобождёнными после совершенной Иорданией агрессии. Относительно же арабов он быстро понял: пока относишься к ним по-человечески, они думают, что ты фраер, а если дашь арабу лопатой по спине, он сразу понимает, на чьей стороне сила. К террористам Деген относился, как к врагам, а врага лучше убить, поскольку «Убитый враг — оно верней».

Во время войны Деген убивал, и много убивал из всех видов оружия от карабина до танковой пушки, стреляя по немцам шрапнелью. При этом он интуитивно понимал, что поступает правильно. Хотя он и не знал тогда ещё высказывания Жаботинского: «Тот господин, который эту минуту проходит за моим окном по улице, имеет право на жизнь лишь потому и лишь постольку, поскольку он признает мое право на жизнь. Если же он захочет убить меня, то никакого права на жизнь я за ним не признаю». Не знал он тогда и еврейского закона: «Пришедшего убить тебя — убей!».

А после войны Ион, стольких убивший, решил стать врачом, чтобы помогать живым. Хотя Ион решил стать хирургом-ортопедом, он знал не только всю медицину, но и обладал университетскими познаниями в области механики и электричества. Готовясь стать ортопедом, Ион посещал лекции на физико-математическом факультете университета, основное внимание уделяя механике. Уже потом, после защиты кандидатской диссертации ее место заняло электричество.

Деген стал выдающимся диагностом. За долгие годы врачебной деятельности он сделал тысячи плановых операций разной сложности. Но не было ни одной операции, к которой бы он не готовился заранее, стараясь предусмотреть все возможные неожиданности. Самым главным качеством врача, помимо умения думать, он считал сострадание. А перед большинством врачей у него имелось «преимущество» — его инвалидность, которая ставила его на одну доску с пациентами. А человек, не

обладающий чувством сострадания, никогда не будет настоящим врачом. Он может стать вполне компетентным профессионалом, но Врачом (с большой буквы) он никогда не будет.